

Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова... В. Г. Белинский
С эпиграфом:

За все прочее, пожалуй, бранитесь,
Лишь за правду не сердитесь.
Автор этой книги говорит в своем предисловии:

Я не романтик, не классик; нет у меня ни эффектов, ни потрясений, ни смертоубийств, даже ничего нет фантастического? что же это такое? Безымянный выродок. Вот, скажут, автор не знает эстетики: нет ничего трансцендентального, индивидуального, объективного, штиль не новый, слог простой и рубит сплеча. Вот какие речи отпустил нам Дормедон Васильевич! Мы, с своей стороны, скажем только то, что в его «Записках» в самом деле нет ни идеализма, ни трансцендентализма: в них, напротив, абсолютный нигилизм с достаточною примесью безвкусицы, тривияльности и безграмотности. Стилль, или, как говорит автор, штиль его не новый: это правда; его слог допотопный, ископаемый, его язык есть язык Третьяковского, Симеона Полоцкого, Сумарокова. Его слог, говорит он, простой и рубит сплеча: правда, он точно уж чересчур простоват, а как он рубит сплеча, об этом судите сами по отрывку следующей курьезной пьесы.

Был, извольте видеть, майор Трубин, которого дернуло жениться в сорок пять лет на молодой девушке; у майора был любимый денщик, Козмич, обладавший столь великим умом, сколько прилично иметь денщику. Через пять лет после своего брака майору надо было куда-то отлучиться с своим денщиком. После этого вступления вам будет понятен следующий отрывок, который выписываем слово от слова, без всяких перемен:

«Мне минуло пятьдесят лет, – рюмил про себя майор. – Так и быть. Я должен это помнить и беспрестанно благодарить бога, что он наградил меня сокровищем. У меня жена бесценная, но мне пятьдесят лет – и я должен остерегаться. – Ну если...» Тут опять майор задумался. Сия задумчивость была не из тех, которая в златом виде нам все предметы представляет. Отъехав версты три, вдруг остановил он своего коня и верному своему шталмейстеру Даниле Козмичу дал следующий приказ: «Воротись, брат Козмич, домой». – Надобно вам сказать, не прерывая речи, что майор своего слугу почти всегда братом Козмичем называл, хоть это ныне и не водится, однако он во всю жизнь свою от этой странной привычки отстать не мог, и что, может быть, удивит более всего, это то, что он не иначе почитал двуногое творение, человеком называющееся, как за себе подобного. «Итак, брат Козмич, воротясь домой, – сказал майор, – скажи жене, чтоб она сегодня сидела дома и отнюдь никого не принимала. Признаться тебе, мне что-то не хочется, чтоб она без меня одна оставалась. Итак, воротись домой, а потом догоняй меня скорее»... Козмич, услышав баринов приказ, остолбенел! – Майор повторил свою речь. Козмич ни с места. Майор спросил: «Разве ты, Козмич, не слышишь?» – Козмич заставил себе опять повторить и тут пробормотал что-то про себя. «Ну что ж ты стал?» – вскричал майор. – «Помилуйте, сударь, что вы над собой делаете! Разве не жили вы на свете довольно, чтоб узнать?» – «Что это? – вскричал майор, немного рассердясь, – ты меня уж в этом учить хочешь?» – Данило умолк и, не говоря ни слова в ответ, поворотил иноходца и тихим шагом пустился вспять. Теперь, милостивые государыни, так как вам известно, что всякому позволено думать, то, по вышеупомянутым Локковым правилам, Козмич свое задумал, а мы оставим его покамест думать на дороге и послушаем вас. «То-то мужчины, то-то мужья!» – скажете вы. Да, сударыни, что делать, согласен с вами: плохо они, конечно, делают, и готов с вами воскликнуть, что в сем случае сами себе горе накликают. Но к чему накликать? Как вы извольте знать, и без наклички часто горе бывает, не во вред то вашей чести будь сказано. Но полно, воля ваша, с примечаниями мы ввек не кончим. Вы же сами на меня прогневайтесь, что я заболтался. Вспомните, что мы Козмича в трудных размышлениях на дороге оставили, а паче всего вспомните опять и то, что я его обещался в передний угол посадить, а вы увидите, что я его не даром, а за услуги сажаю. Ехавши дорогою, Козмич рассуждал так: «Вот господа, вот мужья! делай по их воле. Кому охота на каторгу? А мой барин сам на беду накупается. Что теперь делать? – Как не сказать барыне, от барина мне беда, и сказать ей, от барыни барину беда, как снег на голову. Боже упаси!.. Э-ге! постой!» Вдруг махнул Козмич пегого иноходца и как из лука стрела к воротам прилетел. Майорша, сидя у окошка, печально на дорожку посмотривала, по которой милый ее муженек поехал. Увидя Данилу, стремглав бросилась к нему: «Что ты, Козмич? не случилось ли чего?» – «Нет, сударыня, все,

слава богу, подобру-поздорову! Барин приказал кланяться, приказал сказать, приказал доложить, не извольте, дискать, без него на барбосе верхом садиться; он, дискать, хоть и смиренная собака, однако, дискать, шуток не любит и верно-де вас укусит». Отдав свой рапорт, Козмич пустился по дороге вслед за майором. Майорша возвратилась в свою комнату и крепко задумалась. На правду напасть не мудрено, а особливо с хорошим воображением. Обдумав дело хорошенько, майорша так, как и многие прочие, самым ясным образом открыла загадку и рассудила так: «Что значит этот повелительный приказ? – говорила она про себя. – А! я это ясно вижу эти мужья нас пробуют – и хотят узнать, далеко ли наше послушание простираться может; но нет, полно, за тем ли я посвятила ему молодость и провождаю дни мои с стариком, чтоб повиноваться смешным его хотениям? – Нет, я докажу, что женщины могут исполнять свою волю когда только захотят, и не рождены быть невольницами. Довольно было ему моих угождений».

Вам, милостивые государыни, без сомнения, известно, что у любезного пола решение с исполнением почти в одинаковом времени, вовсе в противность приказного порядка, где иногда нарочитое время проходит; следовательно, майорша вышесказанное свое решение немедленно в исполнение произвела: на барбосе ну верхом ездить. Барбос, чтоб огрызаться, не тут-то было! на барбоса пуще навалилась, доколе барбос, как сущий грубиян и сущая собака, милую ношу с себя не сбросил и больно барыне ручку не укусил. Горько наша майорша заплакала. Но что делать? Своя была на то воля, а я часто примечал, что в сих случаях скоро болезнь проходит. Бальсамом и кое-чем руку примочили и препорядочно завязали; на другой день по возвращении майора, не забыл он при первой встрече и будто ненарочно о гостях спросить, на что желаемый ответ получил. Куда с радости деваться? Обнимание, целование такое, что ни в сказке сказать, на пером написать. – А между тем майорша ручку спрятать не забыла. Майор, чтоб ручки целовать, одной руки нет как нет! – «Что за пропасть! – вскричал майор, – что с твоей ручкой сделалось?» – «Ничего, мой друг, это так!» – «Как так? Ты меня до смерти напугала». – «Нет, право, ничего... я виновата, мой друг, я... Ты вчера приказывал о барбосе, а я не послушалась, ездила на нем, и он мне руку укусил». Тут опять майорша немного прослезилась. – «Что я приказывал вчерась? – вскричал майор: – когда? с кем?» – «Да вчерась, с Данилою», – отвечала майорша с уверительным тоном. Дело уже шло не на шутку, и Данило на ту беду явись в комнату. «Что я с тобой вчерась к жене приказывал?» – спросил его майор. «Так, милостивый государь, – отвечивал Козмич, – я барыне сказал...» – «Что ты ей сказал?» – «Да, сударь, про барбоса». – «Что ты наврал?» – «Нет, милостивый государь, не наврал, – сказал Козмич утвердительно... – Прошу вас только вспомнить теперь, про что вы мне вчера приказали? Ну что ж, взгляните на барынину ручку, если б я ей не то сказал?»... Говорят, будто бы майор умолк, и в собрании царствовала несколько минут та тишина, об которой у нас на Руси говорят, что тихий ангел пролетел; о чем каждый из них думал, не умею доложить, но сказывали мне, что с тех пор майор Козмича за великого человека почитал, нередко его за урок благодарил, и будто бы майор соседям своим подал добрый совет никогда того не запрещать, чего преступить еще в голову не приходило, поелику из противоречия случиться может то, чего из доброй воли не случалось.

Теперь, сударыни, сами извольте сказать, не справедливо ли я Козмича в передний угол посадил?{1}

Говорят, что эта пошлая сказка принадлежит Боккачио; если это правда, то удивительно, как она перешла в фантазию русской черни; любой кучер или лакей перескажет вам ее по-своему. Кучера и лакеи любят соблазнительные истории насчет господ, в этом нет никакого дива; но странно, как вздумал ее пересказывать г. Прутиков, этот старец, который беспрестанно твердит о нравственности, который недоволен всем современным, и Английским клубом, и новейшими романами, и новейшею литературою, и новейшим покроем платья, и новейшим поколением, потому что во всем этом видит совершенную безнравственность? Если поверить его мудрости, то в настоящее время все безнравственно – даже тротуары, по которым ходят люди, и крыши домов, по которым ходят галки и трубочисты; что правда, совесть, честь существовали только в старину, в то время, когда люди хвастались безбожием, щеголяли кошунством, гордились числом обольщенных женщин и убитых противников, когда судьи перед зеркалом{2} торговались с просителями, словом, это время, так прекрасно характеризованное бессмертным Грибоедовым. И вот какими средствами, вот каким путем хочет почтенный старец обратить на истинный путь наш безнравственный век! Но это явная ошибка в расчете со стороны автора: он, кажется, не понял нашего века; едва ли и наш век поймет его. И это очень естественно: времена, а вместе с ними и понятия о нравственности переходчивы. Поэтому, да не осуждает нас почтенный старец, если мы объявим ему за тайну (для него), что его понятия о нравственности нам кажутся совершенно безнравственными. Мы, люди новейшего поколения, мы презираем браком по расчету, презираем эту

провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.r
торгового сделкою, уничижающе достоинство человека и общества, но уважаем идею брака, как священного союза двух душ, понимающих одна другую, союза любви, осязаемого чувством и религиею. Поэтому, в наших глазах, старик, женившийся на молодой девушке, есть или глупец, стоящий на степени бессмысленного животного, или отвратительный сластолюбец, что едва ли еще не хуже; и потому нам смешна и верность майорши, и любовь майора, и еще смешнее показалась бы измена его сожительницы. Потом, мы, люди новейшего поколения, слишком уважаем идею женщины, слишком горячо верим в достоинство человеческое и возможность его в обоих полах, слишком убеждены в добродетели женщины, которая способна возвыситься до святого чувства любви, чтобы не верить в чистоту и твердость женщины; мы даже не почитаем за добродетель этой чистоты и твердости, а видим в них простое и обыкновенное исполнение долга, даже и не исполнение долга, а просто естественное состояние женщины, потому что добродетель есть усилие, победа над каким-нибудь порочным или эгоистическим порывом, а любящая женщина не может иметь подобных порывов в отношении своей верности к мужу, следовательно, у ней не может быть не только борьбы с преступным чувством, но даже и мысли о такой борьбе. Видите ли, почтенный старец, мы обогнали вас в нравственности и, следовательно, не только не нуждаемся в ваших уроках, но еще почитаем себя вправе задать вам порядочный. Ваша повесть не имеет для нас ни значения, ни смысла; порядочная женщина не дочтет ее до конца и не позволит читать ее своей дочери. Ваша повесть может доставить удовольствие и пользу разве необразованному классу наших бородатых жрецов Бахусова храма, отмеривающих православным жестяными сосудами спиртуозную влагу. Ваша повесть могла бы иметь значение и смысл назад тому лет двадцать, когда еще бродили гибельные правила осьмнадцатого века, когда честь женщины почиталась позором, плебейскою манерою, неумением жить в свете, когда брак почитался родом вуаля, накидываемого на разврат, родом привилегии на распутство. Но и тогда вам не мешало бы иметь побольше вкуса и запастись большею грамотностию, большим умением выражаться на языке понятном, живом, образованном, общеупотребительном, а не на каком-то старинном подъяческом жаргоне. Теперь же, в наше время, ваша повесть и все ваши нравственно-сатирические статейки даже не смешны, потому что уж чересчур скучны и плоски. Вы сражаетесь с тенью, с призраком, вы метите не туда, куда надо, вы прикладываете свои пластыри к здоровым членам общества и не видите его истинных ран, которых, конечно, много и которые, без сомнения, очень глубоки. Вы, например, нападаете на моды: старая, очень старая песня, такая старая, что в сравнении с ней «Выду я на реченьку»{3}кажется песнею, сейчас сложенною. Моды несколько не вредят обществу. Кто, при большом состоянии, разоряется от моды, тот мот, расточитель, который разорился бы, если бы и не было моды; кто, не имея состояния, гоняется за модами, тот сумасшедший, который остался бы сумасшедшим, если бы и не было моды. Притом, если от мод разоряется одно сословие, то богатеет другое, следовательно, для государства нет вреда. Сверх того, нынче уже признано, что и под модным фракком из дорогого английского сукна и под золотистым жилетом может быть благородное и пламенное сердце; что модная шелковая шляпа может покрывать голову великого и глубокого ума. Нынче все согласны в том, что странность и неприличие в одежде обличает скорее суетное желание отличиться, выказать себя странностию, обратить на себя общее внимание, чем истинную мудрость. И в самом деле, человек, который сшил бы себе долгополый сюртук с высоким лифом на те деньги, на которые он мог бы сшить модный сюртук, этот человек оказал бы себя или чудачком, что, разумеется, не предосудительно, или глупцом, что очень предосудительно. Так что же значат ваши нападки на моды, почтенный старец? Знаете ли вы, что Россия, как и всякое государство, обязана своим образованием, в числе многих других причин, наиболее моде? Петр Великий обрил наши бороды и переменял наш костюм, что было необходимо для нашего сближения с Европою и в умственном отношении; он заставил нас учиться языкам и наукам. На кого прежде всего пало бремя тягостной, но необходимой реформы? Разумеется, на двор. Двору стало подражать богатое дворянство, этому мелкое дворянство, этому и разночинцы, а теперь купцы и мещане. Если теперь образуются по убеждению в пользе и необходимости образования, то тогда учились просто из моды, чтоб не отстать от высших себя. Общество может идти вперед только благоразумным и тихим отстранением старого и заменением его новым. Да! мода есть благодетель обществ. Я не понимаю, почему старинный, прочный, но неуклюжий и тяжелый берлин лучше прочной же, но легкой и красивой кареты? А кто из уродливого берлина сделал щегольскую карету? мода, непостоянная, беспокойная мода, всегда скучающая, всегда недовольная настоящим. Моде обязаны мы всеми удобствами нашей жизни. Что же, почтенный старец, значат ваши нападки на моду? Разве без вас никто не знал, что человек, посвятивший себя исключительно на служение моде, есть человек пустой, ничтожный? О, нет! вы хотели блеснуть умом, похвастать остроумием – и ошиблись в своем расчете, потому что кто нынче нападает на моды, того не читают...

Вы нападаете на Английский клуб, как на подрыв домашней, семейной жизни – и опять невпопад! Можно иметь свой дом, любить до безумия жену, словом, быть хорошим мужем и отцом, и ездить в клуб. И почему же не должен ездить в клуб или собрание человек, которому ограниченное состояние не позволяет заводить у себя дома собрания и давать балы? В клубе не все же играют в карты, там и едят, и пьют, и говорят и читают все, что представляет отечественная и иностранная журналистика. Кто же охотник до карт, тот и дома и в гостях может удовлетворить своей охоте.

Вы нападаете на современную литературу, находите ее и безнравственную и бесчинную; вам не нравятся многие нынешние романы; вы говорите, что их нельзя дать в руки девушке: я не хочу защищать перед вами современной литературы и нынешних романов, потому что это был бы напрасный труд: мы не поняли б друг друга. Скажу вам только, что многие из романов, на которые вы намекаете, никогда не оскорбят в такой степени нравственного чувства женщины, как повести вроде вашей «Барбос, или На своем поставлю».

Вы доказываете, что не должно пьянствовать, клеветать на ближнего, оплошно управлять имением и проч. Это истины неоспоримые, и мы от души бы поблагодарили вас, если бы не выучили их наизусть в наших азбуках и прописях, по которым учились в детстве читать и писать. Жаль, что между этими полезными истинами вы пропустили одну, и очень важную, а именно ту, что не должно писать и издавать книг, не выучившись грамоте и не умея порядочно выражаться на отечественном языке.

Да, почтеннейший старец, Дормедон Васильевич, вы сражаетесь с тенью, с призраком, вы целитесь не туда, куда надо, вы не понимаете истинных недугов человека и человеческого общества, вы не знаете этого великого правила, что «la morale est dans la nature des choses»[1], а не в скучных поучениях и тупоумных островах.

Я написал об вашей книге не для публики: публика не прочтет ее, можете быть в этом уверены; я написал это для вас чтобы защитить перед вами публику, показав причину ее невнимания к вашей книге: будьте ж мне благодарны!..

Примечания

Провинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова... (с. 472–477). Впервые – «Молва», 1836, ч. XI, № 4, «Библиография», с. 107–118 (ц. р. 17 марта). Без подписи. Вошло в КССБ, ч. II, с. 193–200.

Дормедон Васильевич Прутиков – псевдоним А. Полторацкого. По словам И. Лажечникова, это был «богатый аристократ, страшный охотник писать и печататься» («Воспоминания», с. 45). Из письма Лажечникова к Белинскому от 26 ноября 1834 года явствует, что последний был рекомендован Полторацкому в качестве литературного секретаря («Белинский и корреспонденты», с. 174). Не желая, однако, «жертвовать своими убеждениями», Белинский, по свидетельству того же Лажечникова, вскоре оставил эту должность. В 1835 г. Белинский выполнял поручения Полторацкого, связанные с печатаньем его книги (см. письмо Полторацкого к Белинскому от 31 июля 1835 г. в кн.: «Белинский и корреспонденты», с. 258). Это не помешало критику выступить с настоящей рецензией. Откликаясь на нее, Лажечников писал Белинскому в 1836 г.: «Прутиков заслужил теперь свою фамилию: вы его порядочно отделали (прутом), как мальчишку...» (там же, с. 182).

Сноски

1«нравственность в природе вещей» (франц.). – Ред.

Комментарии

1 цитате курсив Белинского.

2Перед зеркалом – см. прим. 14 к статье «Ничто о ничем...».

3«Выйду я на реченьку...» – песня на слова Ю. Нелединского–Мелецкого.

овинциальные бредни и записки Дормедона Васильевича Прутикова... В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!